

На правах рукописи

Корнилов

Корнилов Юрий Викторович

**ОРИЕНТАЛИЗМ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ
АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2017

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель:

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, специальность 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира), профессор кафедры всеобщей истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Официальные оппоненты:

Молев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, специальность 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира), профессор кафедры истории древнего мира и классических языков ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород).

Холод Максим Михайлович – кандидат исторических наук, специальность 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира), доцент кафедры истории древней Греции и Рима ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

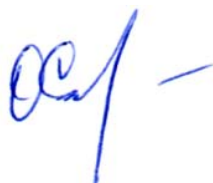
Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**» (г. Москва).

Защита состоится «21» сентября 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал № 1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.В. Сеницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Жизненный путь Александра Великого как полководца и политического деятеля вызывал неизменный интерес у его современников и продолжал привлекать внимание в последующие исторические эпохи. В центре внимания историков первоначально находились прославленная личность Александра, его военные и политические успехи; позже интерес сконцентрировался на административно-управленческом аспекте политики македонского царя. В то же время вполне очевидно, что в своем опыте по созданию нового конгломератного государства¹, империи, Александр Великий во многом ориентировался на своих предшественников – ассирийцев, вавилонян, и, прежде всего, персов, возглавляемых династией Ахеменидов. Однако этот опыт оказался весьма своеобразным и в своем роде уникальным. Во-первых, если ассирийцам и вавилонянам потребовались столетия для создания собственной империи на Ближнем Востоке, а персам – несколько десятилетий, то Александр создал свою империю всего лишь за 11 лет. Во-вторых, империя Александра не пережила своего основателя, хотя ее распад в ходе войн диадохов и растянулся на более чем 50 лет. В-третьих, деятельность Александра Великого по созданию собственной империи заложила основы и создала предпосылки для наступления последующей эпохи эллинизма, характеризовавшейся явлениями греко-восточного синтеза в экономике, политике и культуре. Основным направлением этой деятельности была политика, направленная на масштабные заимствования Александром ахеменидской идеологии, организации двора, системы управления, военной структуры и др. Все эти заимствования в совокупности мы определяем как политику ориентализма.

В современной исторической науке феномен ориентализма стал предметом оживленной дискуссии после издания монографии Э. Саида². В узком смысле этого слова автор определяет ориентализм как академическую дисциплину, направленную на изучение Востока в различных его проявлениях, однако в широком смысле – это представления о Востоке на Западе, связанные с европейской колониальной практикой XIX – XX вв. Заявленный Э. Саидом важный теоретический подход к пониманию феномена ориентализма хорошо со-

¹ Определение империи Александра Великого как конгломератного государства принадлежит казанскому антиковеду А.С. Шофману (*Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 30*).

² *Said E. Orientalism. New York, 1979*; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова, послесл. К.А. Крылова. СПб., 2006. См. о концепции ориентализма Эдварда Саида: *Штейнер Е. Восток, Запад и Ориентализм: Место востоковедения в глобализирующемся мире // Ориентализм / Оксидентализм: языки культур и языки их описания / Редактор-составитель Е. Штейнер. М., 2012. С. 14–24; Серебряный С. «Ориентализм»: искажение достойного термина // Там же. С. 25–33; Лысенко В. Ориентализм и проблема Чужого: ксенологический подход // Там же. С. 34–42; Алаев Л.Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России? // Ориентализм vs Ориенталистика / Сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М., 2016. С. 16–26.*

гласуется с бытовавшим у греков восприятием персов и Персии, которое иногда характеризуется в литературе как «протоориентализм»³.

В данной же диссертационной работе, однако, мы следуем иному толкованию ориентализма, представленному в современной историографии, посвященной деятельности Александра Великого. Под ориентализмом в данном случае обычно понимают политику, направленную на заимствование персидских обычаев, традиций, установлений, институтов власти, военной организации и т.д. Однако, говоря об «ориентализме Александра», следует учитывать, что македонский царь в процессе непосредственной адаптации идеологии и политической практики Ахеменидов к своим собственным потребностям, направленным на строительство новой азиатской империи, должен был руководствоваться как традиционными западными (т.е. греко-македонскими) представлениями о Востоке, так и собственным пониманием восточных реалий, определявшимися его конкретными задачами и интересами.

Объектом диссертационной работы является империя Александра Великого; **предметом** же - политика ориентализма македонского царя.

Цель исследования состоит в выявлении основных предпосылок, направлений и последствий ориенталистского курса Александра Великого в идеологической и политической сферах. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующих **задач**:

1. Рассмотрение эволюции царской титулатуры Александра в процессе его ориенталистской политики.
2. Определение религиозных основ царской власти Александра Великого с целью обнаружения в них ахеменидских заимствований.
3. Установление преемственности между Александром Великим и Ахеменидами в структуре и функционировании царского двора и дворцового церемониала.
4. Рассмотрение процесса принятия Александром царских регалий Ахеменидов как показателя его политики ориентализма.
5. Определение основных аспектов преемственности между Александром и Ахеменидами в организации дворцового и государственного управления.

Хронологические рамки исследования охватывают период восточного похода Александра (334–323 гг. до н. э.). Обращение к прочим историческим периодам имеет целью сравнение отдельных явлений, заимствованных Александром от Ахеменидов, с их первоначальным состоянием в Персидской империи либо с их дальнейшим развитием в эллинистических государствах.

Географические рамки диссертационной работы ограничены территорией империи Александра Великого, включавшей владения бывшей Персидской империи Ахеменидов и территорию Балканского полуострова.

³ Colburn H.P. Orientalism, Postcolonialism, and the Achaemenid Empire: Meditations on Bruce Lincoln's *Religion, Empire and Torture* // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. Vol. 54. № 2. P. 92–93.

Методологическая основа исследования включает как общенаучные методы работы с историческим материалом (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, конкретизация, аналогия, сравнение), так и специализированные методы исторического исследования (нарративный, историко-генетический, сравнительный, типологический, системный, терминологический). Помимо этого, применительно к данной диссертационной работе используются принципы историзма и универсализма в исторической науке. Первый предполагает рассмотрение различных исторических событий в хронологической последовательности и во взаимной связи друг с другом, второй – дает возможность исследования явлений и процессов, имеющих индивидуальные особенности, но при этом демонстрирующих важные закономерности и свидетельствующих о глубинном единстве человеческой истории.

Научная новизна исследования определяется тем, что в ней ориентализм рассматривается не только как соответствующее направление в идеологии и политике Александра Великого (как это общепринято в значительном большинстве исследований, даже если в них и не используют специальный термин для характеристики этого направления), но и как явление, восходящее своими истоками к державе Ахеменидов, на наследство которых македонский царь стал претендовать по праву победителя в ходе своего восточного похода. В силу этого все мероприятия Александра, связанные с принятием курса ориентализма, рассматриваются через призму их соотношения с традициями и установлениями, бытовавшими в Ахеменидской империи.

Апробация основных положений работы. Основные результаты исследования были представлены в виде докладов на международных научных конференциях «XVII Сергеевские чтения» (Москва, МГУ, 2–4 февраля 2011 г.), «Иран и античный мир» (Казань, КФУ, 14–16 сентября 2011 г.), «Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории» (Казань, КФУ, 14–16 октября 2015 г.), на итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава КФУ, на научных семинарах «Античный понедельник», отражены в 6 научных публикациях, из которых 3 изданы в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре всеобщей истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена новизной рассмотренных проблем и полученных выводов. Результаты данной диссертационной работы могут быть использованы в процессе подготовки к чтению лекций и проведению практических занятий по истории древнего мира, при написании учебников и учебных пособий, подготовке научных статей и монографических исследований как по истории Персидской империи Ахеменидов, так и по деятельности Александра Македонского.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Александр Великий стремился принять под свою власть Персидскую империю не только по праву завоевания, но и рассчитывая предстать в качестве

ее легитимного правителя, став представителем династии Ахеменидов. С этой целью царь проводил как соответствующую матримониальную политику, породнившись с Ахеменидами посредством заключения брака с персидскими принцессами, так и предпринимал ряд соответствующих мер по адаптации ахеменидских идеологических и политических реалий, как он их себе представлял, в соответствии с эллинским воспитанием и образованием.

2. В идеологической сфере заимствования Александра в большей степени определялись греческими представлениями. В частности, Александр не заимствовал традиционную восточную титулатуру персидских царей, а его обозначение «царь Азии» отражает греческую традицию обозначения царей династии Ахеменидов. Когда Александр претендовал на сакральный статус, он также находился, с одной стороны, в плену традиционного заблуждения греков, что персы считали своих царей богами, а, с другой, под влиянием действительной практики обожествления отдельных персидских монархов в Египте, но не за его пределами. Тем не менее, Александр претендовал на легитимизацию своей власти посредством религии, демонстрируя свою преемственность с Ахеменидами.

3. В дворцовой же сфере в большей степени обнаруживаются попытки «копирования» Александром персидских традиций и установлений, однако копирование это не было полным, что объясняется, во-первых, следованием греческой традиции восприятия персидских обычаев, а, во-вторых, сопротивлением соратников Александра нововведениям на персидский манер. Этим можно объяснить неудачу со введением *проскинесиса* среди греко-македонского окружения и внедрение этой церемонии среди персов без учета нюансов в технической стороне ее исполнения, как это было в империи Ахеменидов. Непоследовательным и далеко не завершенным было принятие Александром персидской одежды и символики власти. Что касается института гарема, то он, в отличие от периода Ахеменидов, при Александре не имел особого практического значения.

4. В сфере организации дворцового и государственного управления политика ориентализма проявлялась также не в полной мере. Введенные Александром должности хилиарха и сатрапа (на последнюю назначались как греки и македоняне, так и персы) не копировали традиционные персидские институты, но получали функции, которыми их наделял сам македонский царь с учетом своих собственных представлений и потребностей.

Обзор источников. Источниковая база исследования подразделяется на следующие типы: источники нарративные, эпиграфические, нумизматические и изобразительные. Нарративные источники включают в себя две больших группы: во-первых, источники по деятельности Александра, а, во-вторых, по истории Персидской империи. В современной историографии принята нижеследующая классификация нарративных источников по истории Александра Великого. Первую группу составляет популярная традиция или «вульгата». К ней относят следующие произведения: «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (ок. 90 – 30 гг. до н.э.), «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа (сер. I в. н. э.), «Эпитома сочинения Помпея Трога *Historiae Philippicae*» Юстина (II в. н. э.). Вторая группа – апологетическая традиция, пред-

ставленная в «Анабасисе Александра» Арриана (ок. 86 – ок. 160 гг. н. э.) и в жизнеописании Александра Плутарха (ок. 46 – ок. 127 гг. н. э.).

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского – самый ранний из сохранившихся источников по истории Александра. В «Исторической библиотеке», кроме описания деятельности самого македонского царя, содержатся сведения и об истории Персидской державы Ахеменидов как до Александра, так и во время Александра. Ряд книг автора могут служить источником информации о событиях, последовавших после смерти Александра, что особенно важно, поскольку только Диодор, следующий в данном случае надежной традиции, дает связное и последовательное изложение событий борьбы диадохов. «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа представляется особенно значимым источником, поскольку содержит информацию не только о деятельности самого Александра, но также и предоставляет ценные сведения о царе Дарии III. «Эпитома» Юстина написана на основе труда Помпея Трога *«Historiae Philippicae»*. Это сочинение позволяет получить дополнительную информацию, которой нет в других источниках. Юстин, подобно другим авторам «вульгаты», при рассмотрении деятельности Александра не скрывал своего отрицательного отношения к царю.

Источниками «Анабасиса Александра» Арриана являлись, прежде всего, труды Птолемея и Аристобула. В целом Арриан придерживался традиционной версии событий и пользовался безусловным доверием как историк. Важно и другое произведение этого автора – «События после Александра», которое является источником информации о ситуации, сложившейся вскоре после смерти македонского царя в Вавилоне в 323 г. до н.э. При работе с «Жизнеописанием Александра» Плутарха необходимо помнить, что Плутарх был, прежде всего, биографом, а не историком. Он использовал большинство основных первоисточников, а кроме того, брал информацию из небольших эллинистических сочинений, памфлетов и писем. Кроме «Жизнеописания Александра» в рамках данного исследования учитывались и другие произведения, в частности, жизнеописание Артаксеркса II Мнемона, из которого можно получить информацию о политической истории Персидской империи в IV в. до н.э.

Письменные источники по истории Персидской империи включают, прежде всего, произведения античных историков, ораторов и драматургов. Одним из самых ранних авторов, предоставляющих нам сведения о восприятии Персии греками, является Эсхил (ок. 525–456 гг. до н.э.). Из его творчества особый интерес представляет драма «Персы» (472 г. до н.э.), в которой повествуется о вторжении в Грецию Ксеркса, столкновении Эллады с Персией и, в частности, изображается разгром персов в морском сражении при Саламине в 480 г. до н.э. Труд Геродота (ок. 484–425 гг. до н.э.) «История» – самый значительный источник, содержащий сведения по истории Персии второй половины VI–начала V вв. до н.э., который представляет ценность в рамках данного исследования. Фукидид (ок. 460–400 гг. до н.э.) уделяет внимание греко-персидским контактам после Греко-персидских войн, в особенности, в период Пелопоннесской войны. Интересны, но противоречивы сведения Ксенофонта. В

своих произведениях Ксенофонт (ок. 430–356 гг. до н.э.), исходя из личных интересов и убеждений, нередко передаёт искаженные факты. Из его сочинений особую ценность для данной работы имеют «Анабасис» и «Киропедия».

Единственный труд, посвященный древнеперсидской истории, о котором мы имеем обстоятельное представление благодаря его переложению патриархом Фотием и цитированию в ряде произведений более поздней греческой литературы (Диодор, Николай Дамасский, Плутарх, Афинея и др.), принадлежит Ктесию Книдскому. Ктесий уделял особое внимание семейным делам и дворцовым интригам. В его труде часто приводится версия событий, отличная от той, которая присутствует у Геродота. Существенный материал по восприятию греками персов можно найти в речах оратора Лисия (ок. 445–380 гг. до н.э.).

Ценным источником являются речи ритора Исократа (436–338 гг. до н.э.). Одна из важных речей – «Панегирик», – была написана около 380 г. до н.э. В ней Исократ отстаивает необходимость объединения греческих городов-государств под совместным руководством Афин и Спарты для похода против Персии. Эта речь, как и речи Лисия, дает важный материал о восприятии греками персов в IV в. до н.э. Некоторую информацию о деятельности Александра, а также о восприятии персов греками, можно найти в трудах Корнелия Непота (ок. 99–24 гг. до н.э.). В «Стратегемах» Полиена (II в. н.э.) приводятся сведения, связанные с военной кампанией Александра против персидского царя Дария III. Другим важным источником для нас является «География» Страбона (ок. 64/3 г. до н.э. – 23/4 г. н.э.), предоставляющий некоторую информацию о персах и Персидской империи. В диссертации учитывались также сведения Диогена Лаэртского, Флавия Филострата, произведения лексикографов.

Среди используемых в работе эпиграфических источников следует отметить документы греческого происхождения. Среди них необходимо назвать, прежде всего, тексты договоров между Аминтой III Македонским и халкидянами⁴, декреты городов Тегей и Хиоса⁵, Приены и Митилены (324 г. до н.э.) о возвращении изгнанников и др., которые оказываются полезными при обращении к титулатуре царей династии Аргеадов – как предшественников Александра Великого, так и его самого. Ближневосточные тексты шумерского, ассирийского и персидского происхождения повествуют также о традиции титулования царей, принятых в Передней Азии в доперсидский период, и при династии

⁴ Соколов Ф.Ф. Договор Аминта с халкидцами фракийскими // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Март. С. 103–112; *Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions*. New York. 2003.

⁵ *Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions*. P. 526, 418; *Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Vol. II. From 403 to 323 B.C. Oxford, 1946. P. 242, 289.

Ахеменидов, а также дают важные сведения об административном устройстве переднеазиатских государств и имперской идеологии их правителей.⁶

Нумизматические источники включают главным образом персидские и греческие монеты, а также собственно монеты Александра Великого⁷. В этой связи для нас имеют значение как легенды на монетах, содержащие имена царей и их титулатуру, так и изображения, которые могли выступать средством политической пропаганды. В особенности таковыми были выпуски монет Александра, транслирующие образ царя восточным народом.

Изобразительный материал представлен прежде всего саркофагом Александра и рельефами персидских царей. «Саркофаг Александра» из Сидона, теперь находящийся в археологическом музее Стамбула, представляет интерес тем, что благодаря ему мы можем представить, какую одежду носили знатные македоняне и мог носить сам царь. К тому же, есть случаи изображения на нем и элементов персидской одежды, что связано с рассмотрением одного из вопросов нашей темы: восточные заимствования Александра⁸.

Рельефы в Накше-Рустаме и Персеполе являются оригинальными источниками, которые могут снабдить нас значимой информацией как об одежде персидских монархов и атрибутах власти (в частности, о том, как выглядели прямая тиара, царский трон, скипетр и др.), так и об особенностях выполнения персидского церемониала *проскинесиса*, его оригинальной формы⁹.

Степень изученности темы. Рассмотрение ориентализма в идеологии и политике Александра Великого восходит истоками непосредственно к исследованиям ученых XIX – первой половины XX века, которые своими достижениями заложили основы изучения темы в современной историографии.

Особая роль принадлежит выдающемуся немецкому историку, основоположнику изучения эллинизма в антиковедении, И.Г. Дройзену. В своем иссле-

⁶ Эти тексты представлены в исследовании главным образом следующими трудами: *Bezold C.* Achämenideninschriften. Transcription des Babylonischen Textes. Leipzig, 1882; *Tolman H.C.* A guide to the Old Persian inscriptions. New York, 1893; *idem.* Ancient Persian lexicon and texts. New York, 1908; *Weissbach F.H., Bang W.* Die altpersischen keilinschriften. Leipzig, 1893; *Kent R.* Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, Connecticut, 1950; *Sachs A., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylon. Vol. 1. Vienna, 1996; *Mieroop M.F.* Cuneiform texts and the Writing of History. Approaching the Ancient World. Cuneiform. London; New York, 1999; *Glassner J.-J.* Mesopotamian chronicles / Ed. by B.R. Foster. Leiden, Boston, 2005; *Schmitt R.* Die altpersischen Inschriften der Achämeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung. Wiesbaden, 2009.

⁷ *Head B.V.* Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxford, 1887; *Hill G.F.* Historical Greek Coins. London, 1906; *Gardner P.* A History of Ancient Coinage, 700–300 BC. Oxford, 1918; *Зограф А.Н.* Античные монеты. Материалы и исследования по Археологии СССР. М.; Л., 1951.

⁸ См.: *Miller M.C.* Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity. Cambridge, 1997. P. 122.

⁹ *Schmidt E.F.* Persepolis. Vol. 1. Chicago, 1953. P. 133; *Root M.C.* The King and Kingship in Achaemenid Art. Leiden, 1979. P. 125–140; *Kuhrt A.* The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. London, 2007. P. 536–538.

довании «История Александра Великого»¹⁰, которое впервые было опубликовано в 1833 г., немецкий ученый, кроме самой реконструкции фактических событий деятельности Александра, впервые высказывает некоторые мысли о «преемственности» и «наследовании» Александром Персидской империи.

После публикации книги Дройзена в 1897 г. вышел второй том «Греческой истории» немецкого антиковеда К.Ю. Белоха¹¹. Историк не уделяет специального внимания идее преемственности империй Александра и Ахеменидов. В труде исследователя также нет суждений, посвященных политике ориентализма Александра, и потому в итоге Белох рассматривает завоевание Александром Персидской империи исключительно с позиций греков.

К началу XX века британские ученые еще не обращали такого пристального внимания на проблему ориентализма Александра (фактически она мало затрагивается в книгах Д.Г. Хогарта¹², А.Б. Бэрна¹³ и др., посвященных преимущественно истории завоеваний Александра). Б. Уиллер одним из первых в своей книге об Александре акцентирует внимание на политике преемственности этого царя, уже используя термин «orientalism» и даже объясняя его значение. По мнению автора книги, эллинизм ассоциировался с Грецией и Македонией, а ориентализм – с Персией; в империи же Александра, по мнению Уиллера, сочетаются как эллинизм, так и ориентализм¹⁴. В книге У. Фергюсона «Греческий империализм» выражается согласие с отдельными представителями немецкой исторической школы, полагающими, что Александр стал действительно преемником Ахеменидов. Однако исследователь обращает внимание и на влияние греческой культуры и образования на деятельность царя. Автор утверждает, что Александр стремился к эллинизации восточных народов¹⁵.

В первой половине XX века появляется интерпретация восточной политики Александра Македонского, включающая идеи, которые объясняют изменения в политическом курсе Александра стремлением полководца к «слиянию народов», «объединению всего человечества» или даже создания «братства народов». Одними из протагонистов данной концепции в англоязычной исто-

¹⁰ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1. История Александра Великого. М., 2011; См. также немецкое издание: *Droysen J.G. Geschichte Alexanders des Großen*. Hamburg, 1833; позднее составило первый том его «Истории эллинизма» (см. например, более новое издание: *Droysen J.G. Geschichte des Hellenismus*. Bd. 1. Basel, 1952).

¹¹ Белох Ю. Греческая история. 3-е изд. Т. 2. М., 2009. См. также немецкое издание: *Beloch J. Griechische Geschichte*. Bd. 2. Strasbourg, 1897. Второе издание «Греческой истории» Белоха вышло в 1912–1927 гг в четырех томах; каждый включал в себе две части.

¹² *Hogarth D.G. Philip and Alexander of Macedon: Two Essays in Biography*. New York, 1897.

¹³ *Burn A.B. Alexander the Great and the Hellenistic Empire*. London, 1917.

¹⁴ *Wheeler B.I. Alexander the Great. The Merging of East and West in Universal History*. New York; London, 1900. P. 17, 144, 498.

¹⁵ *Ferguson W.S. Greek Imperialism*. Boston; New York, 1913. P. 133, 135–136.

риографии были У. Тарн и Ч. Робинсон¹⁶, однако, находит она отражение и в немецкой и во французской историографии. Анализируя различные аспекты деятельности Александра Македонского на Востоке, исследователи останавливаются на его политике «слияния» (policy of fusion), полагая, что македонский царь был охвачен идеей об объединении всех народов.

В немецкой историографии эта политика Александра получила название «Die Verschmelzungspolitik». Ее адептами были У. фон Вилькен, Г. Берве, Г. Бенгтсон, Ф. Альтхайм, Ф. Шахермайр¹⁷. Во французской же историографии политика Александра по «слиянию» народов (politique de fusion entre les peuples) нашла отражение также в работах Л. Омо, П. Клоше, П. Левека¹⁸. Так, в книге видного французского антиковеда П. Левека «Эллинистический мир» ориентализм Александра называется «сотрудничеством»¹⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепция «слияния народов» стала широко распространенной в зарубежной историографии²⁰. По своему замыслу она была призвана определенным образом объяснить восточную политику Александра Македонского, ее резкую трансформацию в сторону ориентализма. Вкладывая в идеи македонского царя свои мысли о «братстве народов», исследователи, конечно, искажали действительную суть явления. Однако, несмотря на это, историография XX в. также внесла свой значительный вклад в разработку темы восточной политики Александра Великого, трактуя ее не как проявление преемственности с Ахеменидами, а как «новый курс», направленный на создание на пространствах Запада и Востока, Европы и Азии новой универсальной монархии, в которой греки, македоняне и персы в равной степени были подданными Александра.

¹⁶ Tarn W.W. Alexander the Great and the Unity of Mankind. London, 1933; *idem*. Alexander: The Conquest of Persia // САН. 1933. Vol. VI. P. 384; *idem*. Alexander: The Conquest of the Far East // САН. 1933. Vol. VI. P. 437; *idem*. Alexander the Great. Vol. I: Narrative. Cambridge, 1948. P. 137–138; *idem*. Alexander the Great. Vol. II: Sources and Studies. Cambridge, 1948. P. 399; Robinson C.A. Alexander the Great. The meeting of East and West in world government and brotherhood. N.Y., 1947. Однако сама идея была высказана уже Б. Уиллером, который отмечал, что мечта Александра о слиянии Востока и Запада была выполнена (his dream of fusing East and West has been fulfilled) (Wheeler B.I. Alexander the Great. P. 495).

¹⁷ Wilcken U. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931. S. 221, 247; Berve H. Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen // Klio. 1938. Bd. 31. S. 135–168; Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1977. S. 349; Altheim F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. Tübingen, 1953. S. 91, 112, 117; Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 290.

¹⁸ Homo L. Alexandre le Grand. Paris, 1951; Cloché P. Alexandre le Grand. Paris, 1961. P. 25, 117, 122; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 10 (см. французское издание: Lévêque P. Le monde hellénistique. Paris, 1969).

¹⁹ Левек П. Эллинистический мир. С. 10.

²⁰ В дальнейшем эти идеи подверглись основательной критике (см. например: Badian E. Alexander the Great and the Unity of Mankind // Historia. 1958. Bd. 7. H. 4. P. 425–444; Green P. Alexander of Macedon 356–323 B.C.: A Historical Biography. Berkeley; Los Angeles; London, 1970. P. 444; Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1981. S. 186–192).

Отдельные соображения по политике ориентализма Александра были высказаны представителями советской исторической науки. В учебнике по истории Древней Греции В.С. Сергеев дает некоторые размышления по проблеме преемственности. Советский ученый пишет о «наследовании» Александром империи Дария²¹. Суждения об имперской преемственности между Ахеменидами и Александром прослеживаются у другого советского историка С.И. Ковалева. В своей книге «Александр Македонский» автор называет Александра «законным наследником» Ахеменидов²². Другой советский историк, А.Б. Ранович в исследовании «Эллинизм и его историческая роль» также называет Александра наследником и преемником Ахеменидов²³. Целостная концепция ориентализма в советской исторической науки возникает только с появлением труда основателя Казанской антиковедческой школы А.С. Шофмана. В книге «Восточная политика Александра Македонского» исследователь детально рассматривает «новый курс» македонского царя, который был направлен на постепенную ориентализацию как государственной идеологии, так и политики. Автор впервые употребляет термин по отношению к деятельности Александра «восточная политика». А.С. Шофман считает, что в замысел Александра входило «стать наследником завоеванной и побежденной державы Ахеменидов»²⁴.

Б.Г. Гафуров и Д.И. Цибукидис, напротив, опровергают точку зрения, что Александр являлся преемником Ахеменидов, поскольку практических шагов для установления преемственности он будто бы так и не сделал. Александр не принял титул Ахеменидов «царь царей», а по-прежнему именовался на монетах как «царь Александр»²⁵. Тем не менее, сама смена политики Александра на ориенталистский курс (хотя авторы и не употребляют этот термин), в ходе которого царь перенимает восточные обычаи, авторы объясняют стремлением Александра «запустить» процесс создания монархии по восточному образцу²⁶.

И.Ш. Шифман специально не уделяет внимания проблеме преемственности Александра с Ахеменидами, лишь один раз констатируя факт, что Александр получил возможность, после смерти Дария, выступить в роли «законного преемника Ахеменидов... и мстителя за Дария»²⁷.

В современной историографии рассматриваются преимущественно две проблемы в рамках общей темы ориентализма Александра: 1) наследование царства Дария и 2) мероприятия по заимствованию македонским царем персидских обычаев, традиций, политической и военной организации империи Ахеменидов. Нам представляется, что эти два вопроса настолько взаимосвязаны, что их решение возможно только в результате комплексного подхода к теме. В большинстве же современных работ мы не находим подобного подхода к дан-

²¹ Сергеев В.С. История Древней Греции. М.; Л., 1948. С. 385.

²² Ковалев С.И. Александр Македонский. Л., 1937. С. 72, 75.

²³ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 68.

²⁴ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. С. 115.

²⁵ Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С.210.

²⁶ Там же. С. 233.

²⁷ Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л., 1988. С. 221.

ных проблемам: можно говорить лишь об отдельных несистематичных попытках.

Прежде всего, отметим, что подходы современных исследователей к решению вопроса о преемственности Александра по отношению к Ахеменидам имеют нюансы. Польский ученый К. Навотка, британский специалист Р. Лейн Фокс, американские исследователи Дж.М. О'Брайен и К.Дж. Томас утверждают, что Александр выступал законным преемником Ахеменидов²⁸.

Особенно последовательно идею преемственности Александра с Ахеменидами проводит и выдающийся французский историк П. Бриан²⁹. Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов, в свою очередь, говорят о преемственности Александра в отношении организации управления и финансовой системы Ахеменидской империи, заявляя, что «Александр сохранил старую систему управления», но отрицают его преемственность с персидскими царями в династическом плане³⁰.

Э. Бэдиан останавливается на другом вопросе данной темы: на восприятии Александра в качестве преемника Ахеменидов самими иранцами. Автор заявляет, что иранская аристократия признавала Александра только завоевателем³¹, но в то же время констатирует, что Александр рассматривал себя преемником Ахеменидов³². Такое понимание вопроса также не чуждо и другим исследователям. А.Б. Босворт отмечает тот факт, что Александр претендовал на то, чтобы быть преемником персидских монархов³³, и особо подчеркивает, что Александр занял персидский трон в качестве преемника Ахеменидов³⁴. В. Хекель указывает, что Александр позиционировал себя как преемник Ахеменидов, заявляя, что «после смерти Дария, Александр стал вести как преемник

²⁸ *Nawotka K.* Alexander the Great. Cambridge, 2010. P. 125, 132; *Fox L.R.* Alexander the Great. London, 1973. P. 268; *idem.* Alexander the Great: 'Last of the Achaemenids'? // *Persian responses. Political and Cultural Interaction with (in) the Achaemenid Empire.* / Ed. by C.J. Tuplin. Swansea, 2007. P. 267–312; *O'Brien J.M.* Alexander the Great: The Invisible Enemy. London; New York, 2005. P. 108; *Thomas C.G.* Alexander the Great in His World. Oxford, 2007. P. 56.

²⁹ *Бриан П.* Александр Македонский. М., 2007. С. 151. См. французское издание: *Briant P.* Alexandre le Grand. Paris, 1974. См. другие работы того же автора, в которых он развивает идею преемственности Александра с Ахеменидами: *Briant P.* Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa.* 1979. P. 1375–1414; *idem.* Alexander and the Persian Empire: Between “decline” and “renovation”. *History and historiography* // *Alexander the Great: a New History* / Ed. by W. Heckel & L. Trittle. Oxford, 2009. P. 171–188.

³⁰ *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2007. № 17. С. 202–222.

³¹ *Badian E.* Conspiracies // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / Ed. by A.B. Bosworth & E.J. Baynham. Oxford, 2000. P. 95.

³² *Badian E.* Alexander the Great between two thrones and Heaven: variations on an old theme // *Subject and Ruler: The cult of the Ruling Power in Classical Antiquity* / Ed. by A. Small. Ann Arbor, 1996. P. 12.

³³ *Bosworth A.B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 2010. P. 99.

³⁴ *Bosworth A.B.* Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford, 2004. P. 154.

Ахеменидов»³⁵ и добился признания от местной аристократии себя в качестве законного преемника Ахеменидов³⁶. Однако далеко не все современные исследователи придерживаются указанной точки зрения.

Еще Р. Фрай выражал мнение, что «Александр считал себя более великим, чем ахеменидские цари, он не только победил Дария, но и завоевал больше территорий, чем они могли удержать»³⁷. По представлениям М. Ольбрыхта, сам Александр, по-видимому, не рассматривал себя преемником Ахеменидов³⁸, его политическая программа не ограничивалась просто ахеменидской преемственностью. То есть, как считает исследователь, Александр некоторыми персидскими подданными воспринимался как законный преемник Ахеменидов, но сам не считал себя таковым. Кроме того, ученый утверждает, что Александр создал свою имперскую концепцию, которая не была ни ахеменидской, ни македонской, она являлась «иранской, включающей ахеменидские элементы с македонскими»³⁹. Э. Фредрискемейер, так же, как и М. Ольбрыхт, указывает, что Александр не считал себя преемником Ахеменидов. Р. Уотерфилд также отрицает преемственность между Александром и Ахеменидскими царями⁴⁰.

Рассмотрим теперь современные подходы к исследованию темы идеологии и политики ориентализма. Интересно отметить, что термины «восточная политика» и/или «ориентализм» в зарубежной историографии встречаются крайне редко. Так, А.Б. Босворт употребляет термин «orientalism» в отношении двора Александра.⁴¹ К. Навотка использует сочетание «процесс ориентализации»⁴². Исследователь также характеризует политику Александра как «ориентализация»⁴³. Дж.М. Рейерс пишет об «ориентализме» Александра, но сосредотачивается преимущественно на заимствовании Александром персидской одежды⁴⁴. В монографии Дж.М. О'Брайена уже присутствует отдельный раздел, посвященный «ориентализации»⁴⁵. Тем не менее, в работе не предпринимается разностороннее изучения идеологии и политики ориентализма Александра: ав-

³⁵ Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge, 2008. P. 101.

³⁶ Ibid. P. 99

³⁷ Frye R. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 143.

³⁸ Так, М.Я. Ольбрыхт утверждает, что Александр не провозглашал себя другим Ахеменидом (Olbrycht M.J. "An Admirer of Persian Ways": Alexander the Great's Reforms in Parthia-Hyrcania and Iranian Heritage // Excavating an Empire: Achaemenid Persia in Longue Durée / Ed. by T. Daryaee, A. Mousari & K. Rezakhani. Costa Mesa (Calif.), 2014. P. 38).

³⁹ Ibid. P. 366.

⁴⁰ Waterfield R. Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire. Oxford, 2011. P. 7.

⁴¹ Bosworth A.B. Alexander and the East. P. 117, 154. Упоминается «восточный стиль» – «oriental style» (P. 158), «восточный двор» – «oriental court» (P. 176). Однако, мы не встречаем суждения об ориентализме по отношению к политике или к идеологии.

⁴² Nawotka K. Alexander the Great. P. 261.

⁴³ Ibid. P. 261, 264, 285, 342.

⁴⁴ Reyers M. The "Orientalism" of Alexander the Great: his Persian clothes. PhD diss. California State University, 1996.

⁴⁵ O'Brien J.M. Alexander the Great. P. 106.

тор, как и Дж.М. Рейерс, концентрирует свое внимание на заимствовании персидской одежды и манер Александром⁴⁶. Р. Стоунмен употребляет такие выражения как «восточные заимствования Александра» (*orientalising ways Alexander adopted*)⁴⁷, «тенденция ориентализации» (*orientalising tendency*)⁴⁸. Однако в данной работе также отсутствует детальное рассмотрение политики ориентализма Александра.

Из исследований, посвященных отдельным аспектам преемственности Александра с Ахеменидами, следует упомянуть работы М. Ольбрыхта⁴⁹, в которых рассматриваются самые различные аспекты «иранской» политики Александра; исследования Э. Фредриксмейера, посвященных исследованию заимствования македонского царя в титулатуре⁵⁰, царских символов власти⁵¹, религиозной политики и вопросов обожествления македонского царя⁵² (последняя тема вызывает в историографии особенно оживленную дискуссию⁵³). А.В. Коллинса обращается к подробной характеристике «царского костюма» и

⁴⁶ *Ibid.* P. 108.

⁴⁷ *Stoneman R.* Alexander the Great. London, 2001. P. 3.

⁴⁸ *Ibid.* P. 46.

⁴⁹ *Olbrycht M.J.* Alexander Wielki i świat iranski. Rzeszów, 2004. См. также другие работы польского исследователя: *Olbrycht M.J.* On Coin Portraits of Alexander the Great and His Iranian Regalia // *Notae Numsmaticae*. Т. VI. Kraków. 2001. P.13–29; *idem.* Alexander the Great versus the Iranians – An Alternative Perspective // *Folia Orientalia*. 2006/07. Vol. 42/43. P. 159–172; *idem.* Curtius Rufus, the Macedonian Mutiny at Opis and Alexander's Iranian Policy in 324 B.C. // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres* / Ed. by J. Pigoń. Cambridge, 2008. P. 231–252; *idem.* Macedonia and Persia // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford, 2010. P. 342–370; *idem.* “An Admirer of Persian Ways”. P. 36–62; *Ольбрыхт М.Я.* Ornamenta regia – регалии Александра Македонского в 330–323 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1. С. 134–143.

⁵⁰ *Fredricksmeyer E.A.* Alexander and the Kingship of Asia // *Alexander the Great in fact and fiction* / Ed. by A.B. Bosworth & E.J. Baynham. Oxford, 2000. P. 136–166. См. также работы на эту тему других исследователей: *Hammond N.G.L.* The Kingdom of Asia and the Persian Throne // *Antichthon*. 1986. Vol. 20. P. 73–85; *Nawotka K.* Persia, Alexander and the Kingdom of Asia // *Klio*. 2012. Bd. 94. H. 2. P. 348–356.

⁵¹ *Fredricksmeyer E.A.* The Origin of Alexander's Royal Insignia // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1997. Vol. 127. P. 97–109.

⁵² *Fredricksmeyer E.A.* On the background of the Ruler cult // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 1981. P. 145–156; *idem.* Alexander, Zeus Ammon, and the Conquest of Asia // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1991. Vol. 121. P. 199–214; *idem.* Alexander's religion and divinity // *Brill's Companion to Alexander the Great* / Ed. by J. Roisman. Leiden; Boston, 2003. P. 253–278.

⁵³ См. в частности: *Hogarth D.G.* The Deification of Alexander the Great // *English Historical Review*. 1887. Vol. 2. №. 6. P. 317–329; *Balsdon J.P.V.D.* The ‘Divinity’ of Alexander // *Historia*. 1950. Bd. 1. H. 3. P. 363–388; *Badian E.* The Deification of Alexander the Great // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 1981. P. 27–71.

регалий Александра Великого⁵⁴, а также заимствованиям в дворцовой сфере, в частности, учреждению царем института хилиархии⁵⁵.

Таким образом, вопросы идеологии и политики ориентализма нередко рассматривались в современной историографии либо в многочисленных общих трудах, посвященных деятельности Александра, что само по себе предполагало значительную лапидарность изложения, либо же в отдельных статьях, посвященных той или иной довольно узкой проблеме, что, в свою очередь, препятствовало комплексному рассмотрению темы как на концептуальном, так и на конкретно-историческом уровнях. Обращает на себя внимание тот факт, что при всем обилии работ, посвященных Александру, обобщающие исследования, в которых рассматривалась бы тематика ориентализма как специальный предмет исследования, очень немногочисленны. Но и здесь вопрос об отношении Александра к «наследству Ахеменидов» вызывает оживленные дискуссии и решается далеко не однозначно. Как следует из историографического обзора, наибольший вклад в разработку темы внесли П. Бриан и М. Ольбрыхт. Первый рассматривал тему преемственности Александра с Ахеменидами как в конкретно-историческом, так и в теоретическом аспектах, второй – посвятил этой теме целый ряд содержательных статей, в которых исследовал вопросы «иранской» политики царя.

Необходимость исследования «персидских» оснований политики ориентализма вызывает обращение к истории собственно Ахеменидской империи. Среди наиболее значимых следует назвать обобщающие труды по истории Персии⁵⁶ и работы, специально посвященные царскому двору Ахеменидов⁵⁷. В

⁵⁴ Collins A.W. The Royal Costume and Insignia of Alexander the Great // *American Journal of Philology*. 2012. Vol. 133. P. 371–402.

⁵⁵ Collins A.W. The office of Chiliarch under Alexander and the Successors // *Phoenix*. 2001. Vol. 55. No. 3/4. P. 259–283; *idem*. Alexander and the Persian Court Chiliarchy // *Historia* 2012. Bd.61. Ht. 2. P. 159–167.

⁵⁶ Frye R. The History of Ancient Iran. München, 1984; Wiesehöfer J. Ancient Persia. From 500 B. C. to 650 A. D. London; New York. 1996; Brosius M. The Persians. London; New York, 2006; Briant P. From Cyrus to Alexander. A history of the Persian Empire. Winona Lake, Indiana, 2002; Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М., 2002; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980; Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985; он же. Месопотамия и Иран в VII - IV вв. до н.э. Социальные отношения и идеология. СПб., 2009; он же. Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения. СПб., 2013.

⁵⁷ Brosius M. New Out of Old? Court and Court Ceremonies in Achaemenid Persia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A.J.S. Spawforth. Cambridge, 2007. P. 17–57; Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559–331 BCE. Edinburgh, 2013; о структуре двора Александра в сравнении с двором Ахеменидов см.: Spawforth T. The Court of Alexander the Great between Europe and Asia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A.J.S. Spawforth. Cambridge, 2007. P. 82–120; Weber G. The Court of Alexander as Social System // *Alexander the Great: A New History* / Ed. by W. Heckel & L.A. Tritle. Chichester, Malden (Mass.), 2009. P. 83–98.

особенности же исследователи уделяют внимание церемонии *проскинесиса*⁵⁸, атрибутике царской власти Ахеменидов, в частности, царскому трону и короне⁵⁹, системе управления и административному делению, с особым акцентом на статус хилиарха⁶⁰, сатрапа⁶¹, и др.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Содержание глав определяется поставленными задачами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование темы диссертации, ее актуальность, определение объекта и предмета исследования, цели и задачи работы, хронологические и географические рамки, методологическую основу, научную новизну, апробацию результатов исследования, научно-практическую значимость,

⁵⁸ Taylor L.R. The "Proskynesis" and the Hellenistic Ruler Cult // Journal of Hellenic Studies. 1927. Vol. 47. P. 53–62; Frye R.N. Gestures of Difference to Royalty in Ancient Iran // Iranica Antiqua. 1972. Vol. 9. P. 102–107; Wiesehöfer J. "Denn ihr huldigt nicht einem Menschen als eurem Herrscher, sondern nur den Göttern": Bemerkungen zur Proskynese in Iran // Religious Themes and Texts of Pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli / Ed. by C. Cereti, M. Maggi & E. Provasi. Wiesbaden, 2003. S. 447–452; Choksy J. Gesture in Ancient Iran and Central Asia II: Proskynesis and Bent Forefinger // Bulletin of the Asia Institute. 1990. Vol. 4. P. 201–204; Matarese C. Sending a Kiss to the King: The Achaemenid Proskynēsis between explanations and misunderstandings // Ancient World. 2014. Vol. 16. P. 122–145. О *проскинесисе* Александру см.: Matarese C. Proskynēsis and the Gesture of the Kiss at Alexander's Court: The Creation of a New Élite // Palamedes. 2013. Vol. 8. P. 75–85; Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great's "Experiment with Proskynesis" // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2013. Vol. 56. № 2. P. 55–77.

⁵⁹ Guitty A. Crowns and Some Royal Insignia in Early Iran // Iranica Antiqua. 1972. Vol. 9. P. 108–115; Henkelman W. The Royal Achaemenid Crown // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1995/96. Bd. 28. P. 275–293; Tuplin C.J. Treacherous hearts and upright tiaras: the Achaemenid king's head-dress // Persian Responses. Political and Cultural Interaction with (in) the Achaemenid Empire. / Ed. by C.J. Tuplin. Swansea, 2007. P. 67–98; Jamzadeh P. The Achaemenid throne: its significance and its legacy. PhD diss. Berkeley, 1991; Blois F. "Place" and "Throne" in Persia // Iran. 1995. Vol. 33. P. 61–65.

⁶⁰ Justi F. Der Chiliarch des Dareios // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1896. S. 659–664; Junge P.J. Hazarapatiš. Zur Stellung des Chiliarchen der königlichen Leibwache im Achämenidenstaat // Klio. 1940. Bd. 33. S. 13–38; Keaveney A. The Chiliarch and the Person of the King // Der Achämenidenhof – The Achaemenid Court. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema 'Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen', Landgut Castelen bei Basel, 23.–25. Mai 2007 / Hrsg. B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 499–508; Charles M. The Chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a Revised Understanding of the Office // Phoenix. 2015. Vol. 69. № 3/4. P. 279–303; *idem*. The Achaemenid Chiliarch *par excellence*. Commander of Guard Infantry, Cavalry or Both? // Historia. 2016. Bd. 65. H. 4. P. 392–412.

⁶¹ Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. Paris, 1990; Klinkott H. Der Satrap. Ein Achämenidischer Amsträger und Seine Handlungsspielräume. Frankfurt am Main, 2005; Jacobs B. Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius III. Wiesbaden, 1995.

положения, выносимые на защиту, общую характеристику источников и степени изученности темы диссертационного исследования.

В первой главе «Ориенталистские основы царской власти Александра Великого» исследуются изменения в царской титулатуре Александра в связи с восточными влияниями, рассматриваются проблемы легитимизации Александра на территории бывшей Персидской империи как последнего из Ахеменидов, предпосылки и обстоятельства создания культа царя на Востоке.

В п. 1.1 «Царская титулатура Александра» на основании предпринятого анализа делается вывод о том, что у Аргеадов не было традиционной системы титулатуры, похожей на персидскую. Однако существовал неофициальный титул βασιλεύς, которым их именовали другие государства, преимущественно эллинские. Только во время восточного похода Александр применяет официальный царский титул для отношений с эллинами. После битвы при Гавгамелах в 331 г. до н.э. Александр принимает титул «царь Азии», который в глазах греков ставил его в ряд с предшествующими персидскими царями, а в свете современных представлений свидетельствует о заимствовании Александром ахеменидской концепции мирового господства.

В тоже время восточные источники демонстрируют нам применение к Александру традиционных ахеменидских титулов. Например, в вавилонских хрониках мы находим титулы «царь мира» – *A-lek-sa-an-dar-ri-is* LUGAL ŠÚ (BM 36761. rev. 11)⁶², «царь земель» – *A-lek-sa-an-dar-ri-is* LUGAL KUR-KUR⁶³, «великий царь» – *A-lek-sa-an-dar-ri-is* LUGAL GAL⁶⁴; таким образом упомянуты титулы, которые носили до этого в Вавилоне представители династии Ахеменидов⁶⁵. Все эти свидетельства красноречиво указывают на то, что не только сам Александр пропагандировал свою преемственность в вопросе титулатуры с Ахеменидами, но и восточные народы признавали существование такой связи. Кроме того, матримониальные узы Александра с Ахеменидами и персидской аристократией также придавали его власти также нужную ему легитимность.

В п. 1.2 «Александр – последний из Ахеменидов» исследуется дискуссионный в историографии вопрос о месте Александра в ахеменидской династии. Прежде всего, необходимо обратить внимание на концепцию П. Бриана, положившего начало теории, согласно которой Александр был последним из

⁶² Sachs A., Hunger H. *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylon*. Vol. 1. Wien, 1988. P. 179. См.: Spek van der R. Darius III, Alexander the Great and Babylonian scholarship // *A Persian Perspective. Essays in Memory of Helen Sancisi-Weerdenburg / Achaemenid history*. Vol. 13 / Ed. by W. Henkelman & A. Kuhrt. Leiden, 2003. P. 299; Boiy T. *Late Achaemenid and Hellenistic Babylon*. Leuven; Paris, 2004. P. 107.

⁶³ Sachs A.J. *Achaemenid Royal Names in Babylonian Astronomical Texts* // *American Journal of Ancient History*. 1977. Vol. 2. P. 147. Т. Бой также указывает на то, что титул «царь земель», который перенял Александр, говорит о нём как о преемнике Ахеменидских царей (Boiy T. *Late Achaemenid and Hellenistic Babylon*. P. 114).

⁶⁴ Spek van der R. Darius III, Alexander the Great and Babylonian scholarship. P. 300.

⁶⁵ Glassner J.-J. *Mesopotamian chronicles*. P. 248–249; Collins A.W. *Alexander the Great and the Kingship of Babylon* // *Ancient History Bulletin*. 2013. № 3–4. P. 139.

Ахеменидов⁶⁶. Р. Лейн Фокс развивает эту концепцию, ссылаясь на родственную близость Александра с Ахеменидами: по его мнению, Александр мог наследовать династии Ахеменидов через женитьбу на дочери Дария⁶⁷. Существует также и противоположная точка зрения, которой придерживались Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов. Указанные исследователи, в частности, полагали, что Александр принес достаточно много принципиально новых элементов в политику, чтобы говорить, будто бы он являлся преемником Ахеменидов в политическом аспекте⁶⁸.

Рассмотренный в данном разделе материал, однако, вполне убедительно демонстрирует, что Александр являлся преемником персидских монархов не только с точки зрения царской генеалогии, но и в более широком политическом плане. Родственные связи Александра с Ахеменидами и персидской аристократией придавали его власти легитимность, в то время как основные принципы управления Персидской империи легли в основу политики Александра на Востоке.

П. 1.3 «Религиозные основания царской власти Александра» посвящен исследованию политики македонского царя по сакрализации своей персоны. Делается вывод о том, что Александр стремился, опираясь на египетскую традицию обожествления царей, персидскую церемонию *проскинесиса* и греческую традицию почитания героев создать собственный синкретический божественный культ еще при жизни. Причиной же того, что признание культа Александра на Ближнем Востоке среди персидских подданных и в Египте в целом осуществилось, а в греко-македонском мире – нет, стало различие в представлениях о соотношении власти и религии у разных народов Древнего мира. Затруднения в признании божественности Александра эллинами и македонянами было вызвано тем, что в понимании эллинов власть не обладала сакральными качествами, тогда как в Египте, Персии и Вавилоне, напротив, существовала долгая традиция сакрализации власти. Таким образом, можно говорить о процессе создания Александром собственного официального культа, призванного консолидировать империю, изначально разрозненную в религиозном и культурном отношении.

Таким образом, деятельность Александра была направлена на создание идеологической основы для своего царствования. Преимущественно это осуществлялось через опору не столько на греческие, македонские или даже персидские религиозно-политические концепты, сколько на египетские представления о характере царской власти. Такое сочетание идеологических компонентов и родства с предыдущей династией должно было, по представлениям самого Александра, значительно укрепить его власть среди своих подданных в создаваемой им империи.

⁶⁶ Briant P. From Cyrus to Alexander. P. 876.

⁶⁷ Fox R.L. Alexander the Great “Last of the Achaemenids”? P. 267–268.

⁶⁸ Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Судьбы сатрапов Востока. С. 219.

Во второй главе «Александр Великий и царский двор Ахеменидов» речь идет о дворцовых нововведениях Александра: восприятию им персидских традиций в связи с введением церемонии *проскинесиса*, заимствованию персидской одежды и царских регалий, роли института гарема при дворе царя.

В п.2.1 «Проскинесис при дворе Александра» уделяется внимание попыткам Александра заимствовать персидскую церемонию *проскинесиса* – земного поклона царю. Делается вывод, что конфликт царя с македонской аристократией по поводу введения в дворцовую практику этого ритуала возник из-за особенностей его восприятия в эллинской и восточной культурах. Обычай *проскинесиса* Александр рассматривал как форму почитания божества и пытался его применить с целью своего обожествления. Это позволяло ему выглядеть в глазах персидских подданных в качестве преемника Ахеменидов, хотя персы и не считали персидского царя богом. Если бы *проскинесис* был введен успешно при дворе Александра, то была бы заимствована лишь ее внешняя традиционная форма, а сам смысл бы изменился: в Персии *проскинесис* был просто формой приветствия своего царя со стороны подданных. В глазах же греков и македонян церемониал *проскинесиса* призван был воздавать царям божественные почести, что, по мнению большинства представителей этих народов, являлось дерзостью и неуважением к богам. Официальной эту церемонию сделать не удалось из-за отказа македонян и греков, но персидские подданные, а также и некоторые из македонян и греков по собственному выбору продолжали выполнять *проскинесис*.

В п.2.2 «Ахеменидские регалии Александра» рассматриваются заимствования Александром ахеменидских царских регалий, включавших корону, одеяние, трон, а также обычаев царского двора, таких как роскошные пиры и охоту. При обращении к вопросу о персидской одежде македонского царя становится очевидным, что заимствование персидской одежды являлось частью политики Александра по подражанию иранскому образу жизни. Конечно, Александр мог заблуждаться в некоторых значениях символики персидских царей, как это было в случае с диадемой: царь заимствовал диадему, но отказался от тиары, хотя на самом деле именно последняя считалась символом царской власти в Персии. Диадема же использовалась перед греко-македонским окружением, заменяя символические функции прямой тиары, и являлась царским знаком. Смешанная одежда Александра также показывает его постепенное стремление к заимствованию царского ахеменидского одеяния. Вероятно, эта тенденция усиливалась вместе с поступательным развитием его ориенталистской политики, результатом сего могла с течением времени стать полная адаптация царем внешнего облика ахеменидских царей.

Что касается царской трапезы, то здесь Александр также стремился подражать своим восточным предшественникам. Персы наряду с македонянами и греками участвовали в пиршествах македонского царя, а если принять во внимание информацию античных авторов о влиянии «варварских обычаев» на молодого царя, то можно заключить, что пиршества в основе своей имели «варварскую», персидскую манеру, нередко сочетаясь и с греко-македонскими ри-

туалами, стилем. В итоге можно заключить, что в рамках проводимой Александром ориенталистской политики происходит смешение различных обычаев, что заложило основы для появления после его смерти такого явления как эллинизм.

В п. 2.3 «Гарем и евнухизм при дворе Александра» утверждается, что принятие персидского гарема также являлось частью ориенталистской политики Александра. Евнухи, наравне с женщинами из гарема, имели влияние на царя и играли важную роль при дворе. Как единое целое евнухи и гарем образовывали дворцовый институт, который порой мог весьма серьезно воздействовать на политическую жизнь персидского двора. Допустимо сделать вывод, что Александр заимствовал институт гарема, стремясь выглядеть законным царем в глазах персидской аристократии: без него царь мог рассматриваться персами либо как чужеземец, либо как человек, который не входил в аристократическую элиту. Но заимствование гарема было только частью ориенталистской политики Александра, направленной на придание легитимности своему правлению. Сам институт гарема не претерпел существенных изменений при Александре. Его назначение для греков и македонян было вполне очевидным и в особом реформировании не нуждалось.

Отметим, что в вопросе восприятия Александром ахеменидских обычаев и традиций в дворцовой сфере мы видим проведение наиболее последовательно политики ориентализма. Действительно, налицо стремление Александра предстать перед своими подданными в качестве персидского царя, и он в самом деле приблизился к этому, иногда даже провоцируя конфликт с греко-македонским окружением. Но, как и в других аспектах его восточной (или персидской) политики, процесс ориентализации двора оказался незавершенным - во многом ввиду ранней смерти царя, хотя и значительно продвинулся в этом направлении.

В третьей главе «Александр Великий и администрация империи Ахеменидов» исследуется роль дворцовой должности «начальника тысячи» – хилиарха при Александре, а также положение сатрапов в его империи.

В п. 3.1 «Должность хилиарха при дворе Александра» делается вывод, что хилиарх (др.-греч. χίλιαρχος; др.-перс. *hazarapatiš*) при Александре не обладал теми же полномочиями, что при Ахеменидах: руководством охраной царя и заведованием приема посетителей царем. Хилиарх не мог быть влиятельной фигурой в империи Александра, но был зависимым от самого царя. Скорее всего, влияние хилиархов возрастало при тех персидских царях, чья личная власть не была прочной. Поэтому хилиарх при Александре, коим стал близкий друг царя Гефестион, пользовался исключительным доверием царя, и в этом качестве выполнял только специальные поручения, носящие преимущественно военный характер. При этом следует отметить, что введение должности хилиарха произошло в контексте политики ориентализма, во время заимствования Александром обычаев персов. Сущность же данной должности могла быть изменена или неверно понята Александром из-за собственных представлений о ней и не совсем точного понимания роли, которую хилиарх играл при Ахеменидах.

П. 3.2 «Сатрапы Александра» посвящен политике македонского царя в области заимствования ахеменидской системы управления. В данной сфере

Александр задействовал как македонян и греков, так и персов, а также представителей местных восточных элит. Можно полагать, что на протяжении большей части восточного похода Александра, в 334–326 гг. до н.э., многие персы, пока они не дискредитировали себя антимакедонскими выступлениями и плохим управлением вверенными им областями, были важными фигурами в должности сатрапов и на других административных постах. Позже, в 325/4 г. до н.э., их стали заменять македоняне или греки. В целом в административной политике Александр в основном сохранял старую систему управления, модифицируя ее в соответствии с конкретными обстоятельствами. Однако чем далее, тем сильнее стали проявляться тенденции к модификации, созданию новой качественной административной системы. И такая система, базирующаяся на преобладании греко-македонских компонентов, была Александром создана.

На основании рассмотренного в главе материала становится очевидным, что попытки перенять ахеменидские системы дворцового и государственного управления Александром в целом оказались менее всего удачными, если сравнивать с другими уже рассмотренными аспектами его политики ориентализма. С одной стороны, в случае учреждения должности хилиарха, произошло заимствование только обозначения должности, но не статуса и функций, которые при Александре были несопоставимы с теми, которые имели при Ахеменидах. С другой стороны, эксперимент с использованием сатрапов иранского и в общем азиатского происхождения оказался неудачным, и к концу своей жизни Александр заменил большинство восточных сатрапов македонянами и греками.

В **заключении** приводятся основные выводы исследования, но наиболее значимый из них сводится к следующему: Александр придерживался основных принципов, которым следовали Ахемениды в своей идеологии и политике.

В контексте осуществления геополитического курса, внутренней политики и идеологической пропаганды Александр действовал, как и его предшественники из династии Ахеменидов. Так, что касается геополитического курса, то Александр заимствовал миродержавные устремления Ахеменидов и пытался их осуществить. Во внутренней политике Александр заимствует административную систему управления империей, в целом действуя так же, как действовали до него персидские цари в отношении к сатрапиям и сатрапам, к административным чиновникам (непоследовательность, и в какой-то степени неудача «эксперимента» с управлением империей была обусловлена сложными отношениями Александра с иранской аристократией). Однако сам факт заимствования персидского механизма управления империей говорит о наличии преемственности Александра с предыдущей династией во внутренней политике.

В идеологическом отношении Александр пытается заимствовать титулатуру персидских царей, но сознательно избегает таких титулов, как «Великий царь» или «царь царей», хотя принимает обычное среди греков обозначение персидских царей – «царь Азии». Можно утверждать, что перед греками и македонянами Александр демонстрирует отсутствие преемственности в титулатуре с Ахеменидами (даже титул «царь Азии» не используется официально в документах или на монетах, вместо него проставляется лишь обозначение «царь

Александр» или же просто «царь»), но перед персидскими и восточными подданными, напротив, эту преемственность подчеркивает. Так, в вавилонских документах применительно к Александру непосредственно используются традиционные персидские титулы «Великий царь», «царь земель» и «царь мира»; такими же титулами в Вавилоне обозначались до него Ахемениды.

Кроме принятия нового титула, Александр пытался заимствовать из Египта идеологию и практику обожествления царей и их божественные почести, ошибочно полагая, что подданные царя Персии так же рассматривали его в качестве живого бога, как это, например, делали египтяне. Такая точка зрения на восприятие отношений между персидскими подданными и их царями, а также царских почестей, которые подданные им оказывали, происходит из греческой традиции. Поэтому Александр пытался ввести церемонию *проскинесиса* для всего придворного окружения с целью получения божественных почестей и создания собственного божественного культа, что помогло бы введению единой царской идеологии для всей империи. Таким образом, в парадигме создания единой царской идеологии Александр пытался выглядеть преемником персидских царей, но прямой преемственности с Ахеменидами здесь нет, хотя заимствуется внешняя сторона церемонии *проскинесиса* при дворе Александра.

Формируется новое явление – царский культ Александра, который позднее перенимается его преемниками – диадохами, а позже и Селевкидами, воспринявшими идею «царства Азии». Согласно с этим, правитель считался богом, и ему воздавались божественные почести. Как продолжение царской идеологии Ахеменидов следует также рассматривать выполнение церемониала *проскинесиса* Александру персами, заимствование персидской одежды, а также института гарема и евнухизма. В целом эти заимствования свидетельствуют о подражании Александра образу жизни двора Ахеменидов, чтобы выглядеть так же, как его предшественники, перед своими восточными подданными. Другими словами, персидский образ жизни Александра являлся частью ориенталистской политики, в соответствии с которой Александр старался легитимизировать свою власть и придать ей законность путем демонстрации преемственности с Ахеменидами. В частности, в одежде царь заимствует диадему. Также Александр перенимает и элементы персидской одежды, которые должны были подчеркивать «царский стиль» Александра. Возможно, эти элементы выполняли такую же символическую функцию и при Ахеменидах, но Александр заимствует самые важные из них, тем не менее не отказываясь от македонской одежды, а сочетая ее с восточной. Заимствование гарема и евнухов тоже отражает новый статус царя, равный статусу персидских правителей. Эти заимствования происходят без изменений, так как их функции были понятны и грекам, и македонянам.

Александр с целью подражания образу жизни персидских царей учредил и придворную должность хилиарха, которая при Ахеменидах была весьма влиятельной и включала как военные и церемониальные обязанности, так и заведование охраной царя. Однако при Александре должность хилиарха, в силу особенностей личности самого царя, оставалась во многом формальной: хилиарх теперь уже не выполнял те же функции, что и при Ахеменидах.

Кроме подражания в образе жизни ахеменидским царям, Александр пытался придать легитимность своей власти при помощи брака с двумя дочерьми Дария, а также женитьбой на Роксане с целью укрепления своего положения среди персидской провинциальной аристократии. Этот акт послужил сильным аргументом в пользу законности власти Александра. Через брак Александр связал себя родственными узами с предыдущей династией и наследовал власть над Персидской империей, выступая в итоге законным ее правителем.

Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее: в политическом, идеологическом, генеалогическом и придворном аспектах чётко прослеживается преемственность Александра с Ахеменидами. Однако в ряде случаев на проведение Александром политики ориентализма накладывали отпечаток как греческие традиции, которые были восприняты Александром еще в период своего воспитания и образования в Македонии, не в последнюю очередь благодаря влиянию Аристотеля, так и необходимость согласовывать свои действия со своим греко-македонским окружением, во многом не разделявшим стремление Александра предстать в образе нового Великого царя Персии. Немаловажное значение при этом имели его действия (не всегда, впрочем, успешные), направленные на то, чтобы установить взаимопонимание со своими восточными подданными. В целом попытка царя в рамках единого двора «примирить» свое греко-македонское окружение с персидским оказалась неудачной. Всем этим, а также и ранней смертью Александра, обусловлена незавершенность его политики ориентализма, нацеленной на принятие империи Ахеменидов под свое управление как легитимного представителя этой персидской царской династии.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Корнилов Ю.В. Церемониал *проскинесиса* при дворе Александра Великого // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 156. – Кн. 3. – С.192–196.
2. Корнилов Ю.В. Тиара или диадема? К вопросу о царских регалиях Александра Великого // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 87–90.
3. Корнилов Ю.В. Хилиарх при дворе Ахеменидов и Александра Великого // Вестник Тамбовского университета. – 2017. – Т. 22. – Вып 1. – С. 117–122.

Публикации в других научных изданиях:

4. Корнилов Ю.В. «Царь Азии»: к вопросу о царской титулатуре Александра Великого // *Antiquitas Iuventae*: сб. науч. тр. студентов и аспирантов. – Саратов, 2011. – С. 77–81.

5. *Корнилов Ю.В.* Царская титулатура Александра Великого и традиции Ахеменидов // Иран и Античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: тезисы докладов международной научной конференции. – Казань, 2011. – С. 60–61.
6. *Корнилов Ю.В.* Идеология Александра Великого: от панэллинизма к ориентализму // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории: коллективная монография. – Казань, 2015. – С. 37–42.